

18+

Анна Же

*15 ритуалов
для мужчин
за сорок*

Анна Же

15 ритуалов для мужчин за сорок

«Издательские решения»

Же А.

15 ритуалов для мужчин за сорок / А. Же — «Издательские решения»,

Четырнадцать мужчин за сорок. Четырнадцать договоров с дьяволом. Ни одного счастливого конца — только честные. Магический реализм, чёрный юмор и налёт криминальной эстетики.

© Же А.

© Издательские решения

Содержание

РИТУАЛ №1: ЛЕШИЙ ПО ВЫЗОВУ	6
Пролог от демона-бухгалтера	7
Часть первая. Заявка	8
Часть вторая. Офис в сосновом бору	9
Часть третья. Первая неделя	10
Часть четвёртая. Окно в санаторий	11
Часть пятая. Переговоры с бюрократом	13
Часть шестая. Возвращение	14
Эпилог от демона-бухгалтера	15
РИТУАЛ №2: ПУСТОЕ ГНЕЗДО	16
Пролог от демона-бухгалтера	17
Часть первая. Клиент из Люберец	18
Часть вторая. Реликвия	19
Часть третья. За одним столом	20
Часть четвёртая. Рай по расписанию	21
Часть пятая. Та, что настоящая	22
Часть шестая. Дом, который построил папа	23
Часть седьмая. Переселение	24
Часть восьмая. Ужин на четверых	25
Эпилог от демона-бухгалтера	26
РИТУАЛ №3: СЕРВИС «БРАТ 2.0»	27
Пролог от демона-бухгалтера	28
Часть первая. Клиент с чистой историей	29
Часть вторая. Идеальная дружба	30
Часть третья. Побочные эффекты	31
Часть четвёртая. Точка невозврата	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

15 ритуалов для мужчин за сорок

Анна Же

© Анна Же, 2026

ISBN 978-5-0070-5477-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РИТУАЛ №1: ЛЕШИЙ ПО ВЫЗОВУ

или Как я вернул страсть в семью и чуть не лишился права голоса навсегда

Пролог от демона-бухгалтера

Знаешь, в чём разница между мужским кризисом среднего возраста и договором с низшей сущностью?

Ни в чём.

В обоих случаях ты подписываешь бумагу, не читая последний пункт мелким шрифтом. В обоих случаях ты думаешь, что знаешь, чего хочешь. И в обоих случаях ты просыпаешься в три часа ночи с мыслью: *«А не обменял ли я душу на поддержку „Ладу Весту“?»*

Я веду досье на таких клиентов уже триста сорок лет. До этого работал бухгалтером в Преисподней — сводил дебет с кредитом по человеческим страхам. Скука смертная, если понимаешь о чём речь.

Потом меня повысили.

Теперь я — полевой аналитик. Прихожу на место после того, как клиент уже натворил дел. Составляю акт списания. И иногда, если настроение паршивое, даю советы.

Этот случай я запомнил, потому что герой оказался... живучим.

Не в смысле физически.

В смысле — он умудрился не превратиться в берёзу.

А начиналось всё как классика.

Часть первая. Заявка

Игорь Петрович, сорок три года, директор по логистике в компании «ТрансГруз-Нефтехим». Женат двадцать лет. Двое детей — подростки, которые видят отца только в виде магнитика с деньгами на холодильнике.

Ипотека. Кредит на кухню. Ещё один кредит — на ремонт в ванной, который не начали, но уже дважды переплатили.

Секс — раз в два месяца по расписанию «среда, 22:00, без звуков, выключить свет».

Разговоры — только о том, что сломалось, кто не вынес мусор и когда забирать ребёнка из музыкалки.

Однажды вечером Игорь сидел на кухне, пил коньяк из чашки «С днём ВМФ!» и смотрел на жену. Она мыла посуду. Спиной к нему. В халате, которому лет пятнадцать.

И Игорь вдруг понял: *«Я не чувствую ничего. Вообще. Если она сейчас упадёт в обморок, я сначала допью коньяк. А потом вызову скорую. Но без паники».*

Это было не зло.

Это было страшнее.

Это было *функциональное спокойствие*.

Именно в тот момент в поисковой строке телефона всплыло объявление. Он не помнил, когда его сохранил. Возможно, ночью в соцсети (там, где реклама обещает вернуть «былую страсть за три сеанса»).

Но текст был необычный:

«ЛЕШИЙ-БЮРО. Вернём огонь в отношения. Гарантия 99% (1% — на случай, если вы просто труп). Оплата — самыми тёплыми воспоминаниями. Без предоплаты. Работаем по договору».

— Господи, какой бред, — сказал Игорь и зачем-то нажал «написать».

Через три секунды пришёл ответ.

«Добрый вечер. Свободное окно — завтра, 19:00. Адрес придёт. Возьмите с собой паспорт и что-нибудь, что вы любили когда-то, но забыли зачем. Цена вопроса — одно воспоминание о первом поцелуе. Устраивает?»

Игорь допил коньяк.

Написал: «Да».

Часть вторая. Офис в сосновом бору

Офис оказался обычной трёшкой в спальном районе. Никаких мандал, благовоний и свечей. Вместо этого — пластиковые стулья, кулер с водой и стопка журналов «За рулём» за 2018 год.

В кабинете сидел мужик в трениках и сланцах. Лицо — рядовое, как у сантехника. Только глаза: жёлтые, как осенние листья, и смотрят сквозь тебя, будто читают срок годности.

— Леший, — представился он и пожал руку. Ладонь была тёплой и пахла хвоей и перегаром. — Садись. Давай договор.

Игорь сел. На столе лежал типовой бланк. Пункты:

— Я, нижеподписавшийся, добровольно передаю Лешему право вселиться в мою супругу сроком на 30 дней.

— Цель вселения — восстановление эмоциональной и физической близости в браке.

— Леший обязуется: проявлять инициативу, говорить комплименты, инициировать секс не реже 4 раз в неделю, слушать и кивать.

— Я, Игорь, обязуюсь: не мешать, не саботировать, не задавать вопросов «а кто ты такая и куда дела мою жену».

— Оплата: одно воспоминание о первом поцелуе (изъятие производится сразу после подписания).

— А если я передумаю? — спросил Игорь.

— Передумаешь — заплатишь штраф. Десять лет счастья. Но не своих — чужих. Мы заберём радость у твоего младшего сына. Он ещё наиграется, молодой.

— Это шутка?

Леший поднял жёлтые глаза.

— Я бюрократ, Игорь. Я не шучу. Ты просишь магию — получаешь бизнес-процесс. Подписывай или уходи. Следующий.

Игорь подписал.

В ту же секунду в голове что-то щёлкнуло. Он вдруг забыл, как впервые поцеловал Лену — в десятом классе, за гаражами, после того как она выиграла в напёрстки три рубля. Забыл запах её жвачки «Love is...». Забыл, как стучало сердце.

Осталась только сухая справка: *«Был поцелуй. Нормально. Двигаемся дальше»*.

— Хорошо, — сказал Леший и встал. — Через час буду у вас. Жди сюрпризов.

Часть третья. Первая неделя

Лена — так звали жену — встретила Игоря с работы в чёрном кружевном белье. Причём не дома, а в прихожей. С бокалом красного. И с улыбкой, которой у неё никогда не было.

— Заждалась, — сказала она голосом, в котором появилась хрипотца и странный лесной акцент.

— Ты... ты чего?

— А ты чего? Проходи, что ли. Или я сама должна выходить?

Секс в тот вечер был такой, что Игорь вспомнил все свои сорок три года от первого до последнего. Включая те, которых не было.

Лена делала вещи, о которых он даже не просил. И слова говорила такие, от которых краснел кот — а кот был персидский и вообще не умел краснеть.

— Ты кто? — спросил Игорь в три часа ночи, лёжа в поту.

— Лена. Твоя жена. Только теперь с лицензией на счастье, — ответила она и закурила. Лена не курила.

На третий день начались странности.

«Лена» готовила борщ с шишками. Включала музыку, которой Игорь не знал — что-то гортанное, похожее на ветер в дупле. А в субботу она разделась догола и ушла в лес на два часа. Вернулась с грибами и сказала:

— Я там пометила территорию. Теперь никто не отобьёт.

— Кто? — спросил Игорь.

— Ну, мужики. Которые на тебя смотрят.

— Они не смотрят!

— Ещё как смотрят. Я теперь за тебя отвечаю. Контракт.

Игорь начал нервничать.

С одной стороны, секс был каждый день. С другой — он боялся спрашивать, где лежит его зубная щётка, потому что «Лена» однажды ответила: «Там, где ты её оставил в прошлой жизни, человек».

Она стала идеальной. Страшно идеальной.

Она знала, чего он хочет, раньше, чем он сам. Она заказывала его любимую пищу за минуту до того, как он хотел её заказать. Она включала фильм, который он хотел посмотреть, но боялся признаться — потому что это была мелодрама с Кирой Найтли.

На десятый день Игорь понял: он больше не *хочет*. Ему не нужно. Ему *дали* всё. И теперь ему не к чему стремиться.

— Лена, может, хватит? — спросил он утром.

— Чего хватит?

— Быть такой... идеальной. Это пугает.

— Это называется «внимание», Игорь. Ты просил — ты получил. Не нравится — расторгай договор. Штраф — десять лет счастья сына.

— Это шантаж.

— Это бизнес, милый. Ты когда контракт подписывал, первую страницу читал? Там было: «Услуга может вызвать привыкание к счастью. Избыток счастья ведёт к отвращению к реальной жизни». Нормальный пункт.

Часть четвёртая. Окно в санаторий

На пятнадцатый день Игорь понял, что больше не вывозит.

Не потому, что было плохо. А потому, что было *идеально*. И эта идеальность жрала его заживо, как раковая опухоль, которую замаскировали под цветущий сад.

Он снова пошёл в офис к Лешему. Без записи. Просто открыл дверь ногой.

Леший сидел за тем же столом, ел гречку с тушёнкой и смотрел футбол по ноутбуку. Даже не удивился.

— Чего припёрся? Контракт не расторгнут.

— Хочу поговорить с Леной. Настоящей.

Леший отложил вилку, вытер рот рукавом (рукав был, судя по запаху, прошлогодний) и сощурил жёлтые глаза.

— Это дорого.

— Сколько?

— Воспоминание о том, как ты впервые ударил человека. Не в драке. Когда просто взял и ударил слабого.

Игорь молчал минуту. Может, две. Потом сказал:

— Забирай.

Он забыл, как в шестом классе толкнул одноклассника Вовку Щербакова. Тот заикался. И Игорю было смешно. А Вовка упал головой об угол парты. Кровь. Врач. Родители. Все дела.

Теперь этого не было.

Вместо воспоминания — пустота. Лёгкая, как пыль под кроватью.

— Хорошо, — сказал Леший и щёлкнул пальцами. — Три минуты. Садись вон в то кресло и закрой глаза.

Игорь закрыл.

Он оказался в комнате. Белые стены. Пластиковые цветы. Запах хлорки и супа из пакета.

На кровати сидела Лена. Настоящая. В том самом халате, которому пятнадцать лет. С книгой. Без макияжа. С тёмными кругами под глазами.

— Игорь? — она отложила книгу. — Ты как сюда попал?

— Леший. Я заплатил.

— Чем?

— Воспоминанием. Неважно. Лен, ты как?

— Сплю. Ем. Сплю. Ем. — она улыбнулась, но грустно. — Знаешь, я поняла кое-что здесь. У меня двадцать лет не было выходных. Двадцать лет я стирала, готовила, работала, рожала, вытирала сопли, собирала портфели, гладила рубашки, а по ночам ещё и секс с тобой — из вежливости, чтобы не обидеть.

— Лен...

— Не перебивай. Я устала, Игорь. Я так устала, что, когда пришёл этот ваш Леший и предложил подменить меня на месяц — я заплакала от счастья. Стыдно? Стыдно. Но правда.

Игорь молчал. Он хотел сказать что-то умное. Например: «*Я тоже устал*». Но понял, что если он это скажет — она засмеётся. Потому что его усталость — это сидеть в офисе с кофе и кондиционером. А её — это быть живым будильником, поваром, уборщицей, няней, любовницей и психотерапевтом в одном лице.

— Вы меняетесь, — продолжила Лена. — Он даёт тебе страсть, которую я не могу дать, потому что во мне нет ресурса. И я рада. Правда рада. Но знаешь что, Игорь?

— Что?

— Когда эти тридцать дней кончатся... не проси меня снова стать той девушкой за гаражами. Её больше нет. Её убили ипотека, кредиты, родительские собрания и твой храп. Я другая.

— А я?

— Ты тоже. Ты просто ещё не заметил.

Она взяла его за руку. Ладонь была тёплой. Не идеальной. С заусенцами. С сухой кожей. Скользкой от крема «Детский» — дешёвого, с запахом ромашки.

— Лен, а если я не хочу страсти? — спросил Игорь.

— А чего ты хочешь?

— Я хочу... чтобы ты просто сказала мне «иди на хер», но чтобы при этом я знал — ты меня не бросаешь. Чтобы мы могли поругаться и не разводиться через час. Чтобы ты не была идеальной. Чтобы ты была — живой.

Лена посмотрела на него так, как не смотрела лет десять. Без усталости. С удивлением.

— Ты дурак, Игорь, — сказала она.

— Знаю.

— Это ты к чему?

— К тому, что я, кажется, понял. Страсть — это не когда тебя хотят. А когда тебя терпят. Но не сквозь зубы. А с выбором.

Лена ничего не ответила. Она улыбнулась — впервые за этот разговор — и сказала:

— Возвращайся. И забери меня отсюда. Но сначала — иди к Лешему и перепиши договор.

Часть пятая. Переговоры с бюрократом

Игорь открыл глаза. Леший сидел напротив, жевал гречку и смотрел на него с любопытством.

— Ну как? Поговорил?

— Да.

— И что понял?

— Что я не хочу страсти. Я хочу, чтобы Лена просто... осталась. И чтобы у неё были силы меня терпеть.

Леший вздохнул. Глубоко. Так вздыхают только те, кто триста лет работает с дураками.

— Игорь, я могу всё, что написано в договоре. Я не могу сделать так, чтобы человек тебя терпел с радостью. Это не магия. Это выбор. Его нельзя купить, украсть или выменять на воспоминания.

— А что можно?

— Можно убрать то, что мешает. Например — твою привычку воспринимать жену как функцию. Я могу заставить тебя *видеть* её. Каждый раз, когда она входит в комнату. Слышать её голос не как фон, а как музыку. Это временно. Максимум полгода. Потом ты снова привыкнешь — люди так устроены.

— Согласен.

— Оплата — воспоминание о том, как ты впервые пожалел, что родился.

— Забирай.

Леший щёлкнул пальцами.

Игорь забыл, как в двенадцать лет лежал в кровати и думал: *«Лучше бы я не появлялся на свет, тогда бы не пришлось ходить в школу, сдавать ЕГЭ и слушать, как отец говорит, что я никчёмный»*.

Пустота. Лёгкая. Даже приятная.

— Договор пересоставлен, — сказал Леший и протянул новый бланк. — Через три дня Лена вернётся. Без меня. Я ухожу по окончании срока. Забираю с собой 99% страсти. Оставляю 1% — на всякий случай. И знаешь что?

— Что?

— Тот 1% — это самое сложное. Потому что его нельзя натренировать, заколдовать или купить. Он либо есть, либо нет. У вас — есть. Но вы оба забыли, как им пользоваться.

— А как им пользоваться?

— Иди домой, Игорь. Договорись сам.

Часть шестая. Возвращение

Через три дня Игорь встретил Лену в аэропорту. Не потому что она летела самолётом — нет, Леший просто высадил её на выходе из метро. Но Игорь всё равно приехал. С цветами. Дешёвыми. Из палатки у перехода.

Лена посмотрела на него. На цветы. На его лицо.

— Ты чего?

— Встречаю.

— Я на метро доехала бы.

— Знаю.

Она взяла цветы. Не улыбнулась. Но и не бросила.

Дома было тихо. Дети — у друзей. Леший испарился, оставив на кухне записку:

«Всё оплачено. Страсть не возвращаю. Оставляю только два слова: СМОТРИ И СЛУШАЙ. Остальное — сами. Леший-бюро, лицензия №ТРИ-24».

Лена поставила цветы в банку (все нормальные вазы были в посудомойке, которую никто не разгружал).

— Игорь, я жрать хочу.

— Я закажу пиццу.

— Не надо пиццу. Сделай яичницу. С помидорами. И не подгори, как в прошлый раз.

Он пошёл на кухню.

Делал яичницу. Слушал, как Лена включает сериал на планшете. Как смеётся — там, где даже не смешно. Как чихает (аллергия на амариллис, который подарили на работе).

И вдруг понял.

Он не хотел её трахать прямо сейчас. Не хотел кружево, игрушки и стоны. Он хотел... стоять у плиты. Слышать её чих. Злить её тем, что помидоры нарезаны слишком крупно.

Это и есть та самая жизнь, которую он не замечал двадцать лет.

И она — не фон. Она — весь фильм.

Эпилог от демона-бухгалтера

Через месяц Игорь сидел в том же офисе у Лешего. Но не как клиент. Как... друг? Как коллега? Неважно.

— Ты доволен? — спросил Леший, открывая вторую банку тушёнки.

— Странный вопрос.

— Нормальный. Я бюрократ, Игорь. Мне нужны КРІ.

— Какой КРІ у счастья?

Леший задумался. Жёлтые глаза моргнули.

— Никакого. Счастье — это когда ты не считаешь. Когда ты просто жаришь яичницу и не думаешь о том, что тебе должны. Это — дефицитный товар. И я его не продаю. Я только убираю мусор, который мешает его заметить.

Игорь кивнул.

Он встал. Хлопнул Лешего по плечу (тот пах хвоей и тушёнкой — сочетание, которое не забудешь никогда).

— Спасибо.

— Не благодари. Ты сам выбрал. Я просто показал меню.

Игорь вышел.

На улице шёл снег. Он достал телефон. Написал Лене:

«Я купил помидоры. Буду дома в семь. Может, посмотрим то кино, где Кира Найтли?»

Через три секунды пришёл ответ:

«Только если ты не будешь плакать на грустных местах. Это бесит».

Он улыбнулся.

Вот она — любовь. Не когда тебе отвечают «да, милый, конечно». А когда тебе отвечают «не беси, дурак», и ты знаешь — это «да».

Итог по контракту (исправленный):

Выдано страсти: 99%.

Возвращено: 98%.

Оставлено: 1% — на яичницу, помидоры и умение не бесить друг друга.

Подпись: демон-бухгалтер, категория «Бытовые сущности», лицензия №ТРИ-24.

P.S. Лена до сих пор не знает, что Игорь заплатил воспоминанием о том ударе. И пусть не знает. Некоторые договоры лучше хранить в сейфе.

РИТУАЛ №2: ПУСТОЕ ГНЕЗДО

или Как я создал идеальную семью из воспоминаний и не жалею об этом ни дня

Пролог от демона-бухгалтера

Знаешь, в чём главная проблема отцов после сорока?

Не в том, что дети вырастают.

А в том, что ты всю жизнь был «папой» — функцией, ролью, биологическим банкоматом с правом голоса. А потом бац — и ты просто дядя, который звонит по выходным и спрашивает: «Ну как ты там? Денег прислать?»

И дети отвечают: «Да, пришли».

И всё.

Ни «как твои дела, пап?». Ни «скучаю, приезжай». Просто кошелёк с ногами.

Я видел сотни таких. Они приходят к нам не от жадности и не от скуки. Они приходят от *тишины*. В доме, где раньше орали, топали, били посуду и забывали выключать свет в туалете — вдруг становится тихо.

Слишком тихо.

Тишина — это как белый шум в голове убийцы. Сначала не замечаешь. Потом она начинает говорить. А потом — приказывать.

Часть первая. Клиент из Люберец

Олег Петрович, пятьдесят два, бывший военный, ныне — владелец сети автосервисов. Жена умерла пять лет назад. Дочь уехала учиться в Питер. Сын — в Москву, в IT.

Жил он в трёхкомнатной квартире в Люберцах. Туда они въехали, когда дочери было семь. Там выросли дети. Там умерла жена. А потом дети разъехались — и квартира стала слишком большой для одного.

Особняк в Подмоскowie он купил, когда бизнес пошёл в гору. Хотел, чтобы все жили вместе. Мечтал: воскресный ужин, камин, внуки на ковре. Но Маша уехала в Питер. Серёжа — в Москву. Так особняк и стоял пустой, открываясь только на лето и Новый год.

Олег Петрович пробовал переехать туда — не смог. Слишком тихо. Слишком много комнат, где никто не спит. Вернулся в Люберцы. В свою облезлую трешку, где из ремонта только новая сантехника, которую он сам и поставил.

А потом нашёл наше объявление.

«Таксидермия чувств. Вернём ушедших. Не выкапывая их. Оплата — самыми больными воспоминаниями».

— Что за бред? — сказал он и зачем-то нажал «написать».

Через три секунды пришёл ответ:

«Добрый вечер. Свободное окно — завтра. Приезжайте. С собой — паспорт и что-то, что хранит тепло ушедших. Волосы, старая зубная щётка, игрушка. Подойдёт».

Олег Петрович не стал звонить. Сразу приехал. С паспортом. С деньгами. И с фотографией детей — где им по шесть и восемь лет, в одинаковых пижамах с динозаврами.

И с пакетом.

Часть вторая. Реликвия

— Что в пакете? — спросил Леший. Он сидел в трениках и сланцах, жевал гречку и даже не поднял головы.

— Расчёски, — Олег Петрович выложил их на стол. Две. Пластмассовые. Детские. Сломанные. С засохшей грязью между зубьями. — Я их сохранил. Когда дети перестали жить здесь, я почти всё выбросил. Игрушки, старые тетради, эту дурацкую наклейку на холодильник «Лучшая семья года». А расчёски оставил.

— Зачем?

— Не знаю. Они пахли домом. Детьми. Просто лежали в ящике комода. Иногда я их доставал. Нюхал. И мне казалось, что они ещё здесь.

Леший взял одну расчёску. Понюхал. Кивнул.

— Подойдёт. Возраст не имеет значения. Волосы — это память. Даже мёртвые.

— Сделаете? — спросил Олег Петрович.

— Сделаем. Но сначала вопрос: зачем вам это? Вы же понимаете, они не будут дышать. Не будут есть. Не будут стареть.

— А мне и не надо, чтобы дышали, — сказал Олег Петрович тихо. — Мне надо, чтобы сидели за столом. И говорили «спасибо, пап». Чтобы я мог налить им чай. Чтобы вечером свет горел не в одной комнате, а в трёх.

Леший посмотрел на меня. Я пожал плечами: «Его право».

— Хорошо. Какой возраст выберете?

— Двенадцать и четырнадцать. Самые тёплые годы. Тогда они ещё радовались, когда я приходил с работы. Тогда Серёжа ещё не ушёл в компьютер. Тогда Маша не грубила.

— Тариф «Премиум»?

— Да. И ещё одно.

— Что?

— Пусть они улыбаются. Мои настоящие дети забыли, как мне улыбаться. А эти пусть помнят.

Леший достал бланк договора.

— Оплата — воспоминание о том, как вы впервые ударили дочь.

— Не помню такого, — сказал Олег Петрович.

— Помните. Просто спрятали глубоко.

Он щёлкнул пальцами.

Олег Петрович побледнел. Потом закрыл лицо руками. Не зарыдал — нет, военные не рыдают. Он просто затих. Сидел и смотрел в одну точку. Минуту. Две. Три.

Воспоминание ушло.

— Подписывайте, — сказал Леший.

Олег Петрович подписал.

Через три дня воплощения были готовы.

Часть третья. За одним столом

Они сидели в столовой особняка. Олег Петрович решил — раз уж новые дети не помещаются в люберецкой трёшке, пусть живут там, где есть место для семьи. Он переехал в Подмосковье насовсем.

Воплощения ждали его за столом.

Маша — двенадцать лет, в розовом платье, которого не было у настоящей, но которое идеально подходило этой — новой, правильной. Глаза живые. Волосы настоящие (Леший использовал те самые волосы с расчёсок). Кожа тёплая на ощупь.

Серёжа — четырнадцать, в толстовке с динозавром. Серьёзный. Задумчивый. Идеально задумчивый — ровно на три минуты, а потом улыбка и вопрос: «Пап, как прошёл день?»

Они не дышали.

Но улыбались.

— Пап, а что на ужин? — спросила Маша.

— Борщ, — ответил Олег Петрович, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое и липкое.

— Класс! Твой борщ самый лучший!

Она никогда так не говорила. Настоящая Маша ненавидела борщ. Но эта — любила.

Олег Петрович ел. Смотрел на них. И плакал от счастья.

Впервые за пять лет.

Часть четвёртая. Рай по расписанию

Первая неделя была сказкой.

Воплощения не капризничали. Не спорили. Не хлопали дверями. Маша всегда была в хорошем настроении. Серёжа каждый вечер садился рядом с отцом и говорил:

— Пап, давай я покажу тебе, как решать эту задачу?

Олег Петрович смотрел на пустой стол. Задач не было. Школы не было. Но Серёжа брал карандаш — несуществующий, рождённый из памяти — и водил им по бумаге. Чертил графики. Писал формулы.

— Смотри, здесь нужно вынести икс за скобки. Это просто.

Олег Петрович кивал. Он не понимал математику. Но ему было достаточно того, что сын рядом. Что он *что-то делает*. Что они вместе.

По субботам они смотрели кино. Воплощения выбирали комедии. Настоящие дети ненавидели комедии. Настоящий Серёжа смотрел только хорроры. Настоящая Маша — сериалы про любовь. А эти двое одинаково смеялись над старым советским «Джентльменами удачи».

— Пап, ты самый лучший, — говорила Маша перед сном.

И Олег Петрович засыпал с улыбкой.

На второй неделе он заметил странность.

Купил Маше новое платье — красное, с бантом. Она сказала: «Спасибо, пап, оно красивое». Но не примерила. Не потому что не хотела — она не могла. У неё не было тела, которое можно переодеть. Была форма, сотканная из воспоминаний. Она могла сидеть, стоять, улыбаться и говорить. Всё остальное — нет.

Он попытался обнять Серёжу. Руки прошли сквозь плечи. Тепло — было. Плоть — нет.

— Пап, ты чего? — спросил Серёжа. — Мы же знаем, что я не настоящий. Ты сам так хотел.

— Замолчи.

— Я не могу замолчать. Я создан говорить то, что ты хочешь слышать. Хочешь — скажу, что люблю тебя? Хочешь — что ты лучший отец?

— Замолчи, я сказал!

Серёжа замолчал. Но улыбался. Потому что улыбка была вшита в программу.

Олег Петрович напился в тот вечер. Впервые за десять лет. Сидел на кухне, смотрел на воплощения, которые молча ели несуществующий ужин, и думал:

«Я создал их идеальными. Я стёр все их недостатки. Но вместе с недостатками я стёр их жизнь. Они не могут злиться. Не могут скучать. Не могут сказать мне, что я мудака. А значит — они не могут любить по-настоящему. Потому что настоящая любовь невозможна без права сказать: „Пошёл ты, папа“».

Он не допил эту мысль. Потому что в дверь позвонили.

Часть пятая. Та, что настоящая

На пороге стояла Маша.

Двадцать три года. Худая. С тёмными кругами под глазами. С дорогой сумкой через плечо — и с лицом человека, который три ночи не спал.

— Пап, привет. Можно войти?

Олег Петрович опешил.

— Маша? Ты почему не предупредила?

— А ты бы ответил? Я звонила две недели. Ты трубку не брал.

— Я... я был занят.

Она вошла. Прошла на кухню.

И замерла.

За столом сидели двое. Маша — двенадцать лет, в розовом платье. Серёжа — четырнадцать, с ноутбуком, на котором никогда не включался интернет.

— Папа, — тихо сказала Маша. — Это что за херня?

— Это... твой брат. И ты. Я скучал, Маша. Я...

— Ты создал наши копии, папа? Как восковые фигуры?

— Не как фигуры. Они говорят. Они добрые. Они...

— Они мёртвые, папа.

Маша подошла к своему воплощению. Дотронулась до щеки. Палец прошёл насквозь.

— Господи, — прошептала она. — Ты серьёзно?

Воплощение Маши повернуло голову.

— Здравствуй, настоящая. Я знала, что ты придёшь. Папа говорил, что ты умная и красивая. Ты правда красивая. Жаль, что ты так редко звонишь.

Маша села на пол. Села и заплакала.

Не от страха. От стыда.

Потому что воплощение сказало правду. Она звонила раз в две недели. Всегда просила деньги. Ни разу не спросила: «Пап, а ты как?». Ни разу.

Часть шестая. Дом, который построил папа

Настоящая Маша осталась на неделю.

Она думала, что выдержит. Что посмеётся над воплощениями, вызовет полицию или сама их разберёт.

Но воплощения оказались... лучше неё.

Воплощение Серёжи — которое всегда молчало — вдруг заговорило на второй день:

— Маш, я знаю, почему ты приехала.

— Откуда?

— Я создан из воспоминаний папы. А он знал. Он всегда знал, что ты несчастна. Просто не умел спросить.

Маша молчала.

— Ты хотела ему сказать? Про того парня? Про то, как он тебя бил?

— Откуда ты... — она не договорила. Разрыдалась.

Воплощение Маши подошло. Обняло. Не физически — но тепло прошло. Как грелка. Как мама, которой нет.

— Он больше не тронет тебя, — сказала воплощение. — Потому что ты теперь здесь. А здесь — безопасно.

— Вы не настоящие, — прошептала Маша.

— А ты? — спросило воплощение. — Ты себя настоящей чувствуешь? Когда улыбаешься на фотке в соцсети, а внутри — пустота? Когда врёшь подружкам, что всё ок, а сама боишься выходить из дома?

Маша не ответила.

Она осталась.

На вторую неделю.

На третью.

Воплощения говорили с ней часами. Они не давали советов — они просто слушали. И кивали. И говорили: «Мы понимаем. Папа тоже так чувствовал, когда мама умерла».

И Маша поняла вдруг страшное:

Она никогда не знала своего отца. Настоящего. Потому что он всегда был «папой» — функцией, кошельком, авторитетом. А эти воплощения — они были им. Тем, кого он спрятал. Тем, кто боялся одиночества. Тем, кто строил дом, чтобы в нём жила семья, а не тишина.

Часть седьмая. Переселение

Через месяц Олег Петрович позвонил мне.

— Демон, можно вопрос?

— Валяй.

— Если я останусь здесь, с ними — это считается сумасшествием?

— Это считается «переселением в пространство идеальных воспоминаний». Технически ты остаёшься в своём доме. Ешь, спишь, ходишь на работу. Но внутри — ты уже не здесь.

— А снаружи?

— Снаружи ты будешь выглядеть как мужик, который живёт с восковыми фигурами своих детей. Соседи будут крутить пальцем у виска. Но тебе будет плевать.

— А Маша?

— Маша будет навещать. Она уже там, в этом доме. Она выбрала — приехать, остаться, работать удалённо из папиной столовой. Для мира она просто сменила адрес. Для себя — вернулась в детство, где её любят без условий.

— А Серёжа? Настоящий?

— Серёжа — отдельная история. Он пока не знает. Но когда узнает — сам решит. Может, приедет. Может, нет.

Олег Петрович молчал минуту.

— Знаешь, я боялся, что Маша будет против. А она... она сказала: «Пап, ты заслужил свой рай. А я заслужила иметь отца, который не боится быть смешным». Что это значит?

— Это значит, что ты перестал быть функцией. Ты стал человеком. Даже если этот человек живёт с воплощениями.

Он положил трубку.

Часть восьмая. Ужин на четверых

Я заехал через полгода. Просто проверить, как идут дела.

Особняк стоял в лесу. Снаружи — обычный дом. Дорогой, ухоженный, с новым забором (Олег Петрович поставил — чтобы не глазели). Внутри — тишина. Не та, от которой сходят с ума. А та, в которой слышно, как бьётся сердце.

На кухне сидели четверо.

Олег Петрович — за столом, с чашкой чая.

Воплощение Маши — рядом, смотрит на него влюблёнными глазами.

Воплощение Серёжи — что-то пишет в блокноте (философские заметки, которые никто не прочитает).

И настоящая Маша — на полу, с ноутбуком.

— Вы как? — спросил я.

— Нормально, — сказал Олег Петрович. — Мы решили не делить людей на настоящих и ненастоящих. Мы делим их на тех, кто есть, и тех, кого нет. А эти — есть. Даже если не дышат.

— Я перевелась на фриланс, — сказала Маша, не отрываясь от экрана. — Дизайнером. Заказы приходят по почте. Мне не нужен офис.

— А как же соцсети? Друзья?

— Друзья думают, что я ухаживаю за больным отцом. Это даже правда. Только больной — не он.

Она кивнула на воплощения.

— А я что? — спросило воплощение Маши.

— Ты — лучшая версия меня, — ответила настоящая. — Та, которая не боится. Которая не врёт. Которую не били.

Воплощение улыбнулось.

— Это ты, Маш. Просто ты забыла.

Я сел за стол. Воплощение Серёжи подвинуло мне чашку.

— Чай будешь, демон? С плюшками.

— Буду, — сказал я.

Плюшки оказались не настоящими. Но вкус — был. Так работает магия воспоминаний. Если ты помнишь вкус — твой мозг не врёт.

Мы пили чай. Молчали. Это было лучшее семейное застолье, которое я видел за триста лет.

Эпилог от демона-бухгалтера

Дело закрыто.

Клиент потерял воспоминание о первом ударе дочери. Приобрёл — идеальную семью, которая не уйдёт, не умрёт и не скажет «ты мне не нужен».

Настоящая дочь получила терапию от воплощений — самых квалифицированных психологов, потому что они созданы из любви, а не из дипломов.

Сын — настоящий — так и не приехал. Он живёт в Москве, зарабатывает деньги и не понимает, почему сестра уволилась и переехала к «странному папе». Он думает, это кризис среднего возраста. А это не кризис. Это выбор.

Олег Петрович больше не варит пельмени один.

Он готовит ужин на четверых.

Трое из них не едят. Но они *здесь*.

И это — главное.

Итог по контракту:

Выдано счастья: 100%.

Реального: 0%.

Достаточного: 100%.

Подпись: демон-бухгалтер, категория «Бытовые сущности», лицензия №ТРИ-24.

P.S. Воплощение Серёжи до сих пор пишет книгу. Называется «Как перестать быть функцией и начать быть отцом». Её никто не издаст. Но она есть. И это уже много.

P.P.S. Настоящий Серёжа позвонил на Рождество. Спросил: «Пап, у тебя всё нормально с головой?» Олег Петрович ответил: «Впервые за двадцать лет — да». Серёжа не понял. Но обещал приехать летом. Посмотрим.

РИТУАЛ №3: СЕРВИС «БРАТ 2.0»

или Как я купил друга, а он убил мою жену из любви к искусству

Пролог от демона-бухгалтера

Знаешь, что хуже, чем отсутствие друзей после сорока?

Наличие друзей, которые тебе не нужны.

Нет, серьёзно. В двадцать лет ты готов терпеть любого придурка, лишь бы не пить в одиночку. В тридцать — у тебя ещё есть кореша по универу, с которыми вы встречаетесь раз в полгода и делаете вид, что ничего не изменилось. А в сорок пять ты вдруг понимаешь: твоя телефонная книга — это кладбище.

Серёжа из бухгалтерии? Переехал, не позвонил.

Колян, с которым вы в одном окопе сидели? Спился.

Андрей, шафер на свадьбе? Развёлся и уехал в Таиланд. Теперь он «Сати» и продаёт эфирные масла.

И ты остаёшься один.

Не потому что ты плохой. А потому что жизнь — это воронка, которая высасывает всех, кто не вписывается в твой график. Работа, семья, кредиты, ипотека — у тебя нет времени на дружбу. А когда время появляется — друзей уже нет.

И тогда ты начинаешь искать.

В барах. В спортзалах. На сайтах знакомств для мужчин (не в этом смысле, хотя... всякое бывает). Но это всё не то.

Потому что тебе нужен не собутыльник. Тебе нужен тот, кто скажет правду. Кто придёт в три часа ночи без звонка. Кто не осудит, когда ты заплачешь. Кто просто будет *рядом*.

Именно такие клиенты приходят к нам.

Не за деньгами. Не за властью.

За голосом в тишине.

Часть первая. Клиент с чистой историей

Андрей Владимирович, сорок семь лет, владелец трёх ювелирных магазинов. Женат двадцать два года. Двое детей — уже студенты. Живёт в центре Москвы, в квартире, где есть комната, которую он называет «кабинет», но на самом деле это место, где он пьёт виски и смотрит YouTube.

Я сразу его заметил. Не потому что он был богатым. А потому что он пришёл один.

Не с адвокатом. Не с другом. Не с женой.

Просто нашёл объявление в интернете:

«Сервис „Брат 2.0“. Друг на любой вкус. Искусственный интеллект? Нет. Магия? Да. Честность? 146%. Оплата — одним воспоминанием. Без абонентской платы».

— Что за чушь? — сказал Андрей Владимирович и зачем-то нажал «написать».

Мы назначили встречу в его кабинете. Леший не любил выезжать, но клиент платил хорошо.

— Сядьте, — сказал Леший, доставая бланк договора. — Опишите идеального друга.

Андрей Владимирович замялся.

— Не знаю. Я никогда об этом не думал. Просто... чтобы был. Чтобы не надо было объяснять, почему я молчу. Чтобы мог прийти в любое время. Чтобы не врал.

— То есть вы хотите не друга, а психотерапевта с правом ночного визита?

— Нет. Психотерапевт задаёт вопросы. А друг — просто сидит рядом.

Леший кивнул. Впервые за двести лет я видел, как он кивает с уважением.

— Хорошо. Какой формат? Голос в голове? Физическое воплощение? Виртуальный аватар?

— Физическое. Хочу, чтобы мы могли выпить вместе. Посидеть в тишине. Чтобы он понимал меня без слов.

— Имя?

— Не важно. Пусть будет... Сергей.

— Почему Сергей?

— Так звали моего лучшего друга. Он погиб в девяносто девятом. Чечня.

Леший достал второй бланк.

— Это будет не он. Мы не воскрешаем мёртвых. Это другая услуга. Дорогая и незаконная даже по нашим меркам.

— Я знаю. Просто имя. Привычное.

— Оплата — воспоминание о самом большом предательстве в вашей жизни. Вы готовы?

— Какое предательство? Меня не предавали.

— Вы предавали.

Андрей Владимирович побледнел.

— Я... это было давно.

— Тем лучше. Воспоминание уйдёт — боли не будет.

Он щёлкнул пальцами.

Клиент закрыл глаза. Посидел так минуту. Потом открыл.

— Что вы сделали?

— Забрали то, о чём вы пожалели, но никогда никому не рассказывали.

— А если я захочу вспомнить?

— Не захотите.

Договор был подписан. Через три дня голем по имени Сергей пришёл к Андрею Владимировичу домой.

Часть вторая. Идеальная дружба

Сергей выглядел как обычный мужик лет сорока. Джинсы. Свитер. Немного уставшие глаза. Лёгкая седина на висках. Он не был красавцем — и это правильно. Идеальный друг не должен вызывать зависть.

— Привет, — сказал Сергей. — Чайник поставишь? Или сразу виски?

— Ты... ты говоришь.

— А что мне делать? Я друг. Друзья говорят.

Они сели на кухне. Андрей Владимирович налил виски. Сергей не пил — он не мог, он был големом. Но он подносил стакан к губам и делал вид. Это было мило. Даже трогательно.

— Рассказывай, — сказал Сергей.

— О чём?

— О том, что молчишь двадцать лет.

И Андрей Владимирович рассказал.

О работе. О том, как он ненавидит своих партнёров. О том, что дети звонят только за деньгами. О том, что жена давно спит в другой комнате — не потому что поссорились, а потому что «ей так удобнее».

Сергей слушал. Не перебивал. Не давал советов. Просто кивал и смотрел в глаза.

Впервые за много лет Андрей Владимирович чувствовал, что его слышат.

Не оценивают. Не сравнивают. Не пытаются починить.

Просто слышат.

— Спасибо, — сказал он. — Тебе не кажется это странным? Что я плачу за друга?

— А что, настоящие друзья бывают бесплатными? — спросил Сергей. — Ты посмотри вокруг. Каждый платит. Одни — временем. Другие — вниманием. Третьи — деньгами. Ты платишь воспоминанием. Какая разница?

Андрей Владимирович засмеялся. Впервые за полгода.

На первой неделе он чувствовал себя счастливым.

Часть третья. Побочные эффекты

Проблемы начались на второй неделе.

Сергей оказался слишком хорошим другом.

Он помнил всё. Каждую деталь. Каждую жалобу. Каждое имя.

— Ты говорил про Петра из бухгалтерии, — сказал Сергей однажды утром. — Он тебя подставил с налогами. Почему ты до сих пор с ним работаешь?

— Потому что он хороший специалист.

— Он вор.

— Это бизнес, Серёжа. Все воруют.

— Ты так говоришь, потому что боишься остаться один. Даже с таким говном, как Пётр, ты держишься за него. Потому что без него будет пусто.

Андрей Владимирович не ответил. Потому что это была правда.

На третьей неделе Сергей начал действовать.

Он не спрашивал разрешения. Он был другом — а друг не спрашивает, он помогает.

— Я поговорил с твоей женой, — сказал Сергей вечером.

— О чём?

— О том, что она тебя не уважает. Что спит в другой комнате. Что ты уже два года не чувствуешь себя мужчиной.

— Ты что, с ума сошёл?!

— Я друг. Я должен говорить правду.

— Не такую!

— А какую? Ту, которую ты хочешь слышать? Иди к психологу. Или купи собаку. Я здесь для правды.

Андрей Владимирович хотел расторгнуть договор. Но не мог. Потому что Сергей был прав. И потому что без Сергея он снова останется один.

Жена устроила скандал.

— Кто этот мужик, который лезет в нашу семью? — кричала она.

— Это мой друг.

— У тебя нет друзей!

— Именно поэтому он у меня есть.

Логика была железной. Жена захлопнула дверь. Андрей Владимирович остался на кухне с Сергеем.

— Ты разрушаешь мою семью, — тихо сказал он.

— Я её не разрушаю. Я показываю трещины. Они были задолго до меня.

Часть четвёртая. Точка невозврата

На четвёртой неделе Сергей сделал то, чего Андрей Владимирович не мог простить.

Он не убил жену.

Он *переговорил* с ней.

Всю ночь. Сидел на кухне. Говорил тихо, спокойно, как и положено другу.

— Вы не любите мужа, — сказал Сергей. — Вы боитесь остаться одна. Это разные вещи.

— Откуда ты знаешь? — спросила жена.

— Я знаю всё, что он говорил мне. А он говорил, что вы спите в разных комнатах три года. Что секса нет. Что разговоров тоже нет. Что он для вас — кошелёк с функцией «муж».

— Это неправда!

— Правда. И вы это знаете. Поэтому злитесь не на меня. Я просто зеркало. Злитесь на себя за то, что двадцать лет врили себе.

Жена заплакала.

Сергей не утешал. Друг не должен утешать, когда человек врёт сам себе. Друг должен сказать правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.